

ТРИ КОНЦЕПЦИИ ЖИЗНИ В ДРАМЕ В. НАБОКОВА «СКИТАЛЬЦЫ»

Жизненная концепция перекликается с образом жизни человека. Концепция – это система взглядов, основная мысль и идея жизни, образ жизни – это практическое воплощение жизненной концепции. С точки зрения рассмотрения жизненных концепций интерес представляет пьеса В.Набокова «Скитальцы».

Пьеса берлинского периода жизни Набокова «Скитальцы» написана в 1923 году, опубликована в берлинском литературном альманахе «Грани». По словам Ив. Толстого, она выступает как выражение ностальгических чувств автора с использованием английского романтического колорита [3]. Пьеса написана в форме драматического отрывка, единственного сохранившегося акта из четырех, задуманных вымышленным английским поэтом Вивианом Калмбрудом (Vivian Calmbrood). Действие происходит в 17 веке. Драма повествует о случайной встрече двух братьев Фаэрнетов, которые покинули родной дом. Один из них, Роберт, стал разбойником, другой – Эрик – возвращается из дальних стран после 17 лет скитаний. При встрече они с трудом узнали друг друга и предались воспоминаниям о прошлом и мечтам о будущем. Интерпретируя подход Галинской И.Л., можно назвать драму Набокова психологической [1, с.116], и это оправдано, поскольку в пьесе делается акцент на личные переживания, событийный ряд небогат, о важных событиях в жизни действующих лиц можно судить только по их рассказам.

Фоном для событий пьесы становится трактир «Пурпурного Пса», хозяин которого, Джон Колвил, по роду своей деятельности привык быть поверенным всех тайн своих посетителей.

Судьба по-разному обошлась с действующими лицами пьесы, и то, к чему они пришли, то, как они мыслят, дает возможность говорить о них как о носителях определенных жизненных концепций. Разница между ними зависит от того, чему в парах понятий человек отдает предпочтение: реальности – мечте, рассудительности – безумию, страсти – равнодушию, настойчивости – слабохарактерности и так далее. Важным для определения принадлежности к тому или иному пониманию жизни является изучение особенностей речи персонажей и основных тем, которые затрагиваются ими в речи. Остановимся на трех моделях жизненных концепций в пьесе:

1) Странствующий философ – Эрик Фаэрнет, странник на пути домой. Этот человек покинул отчий дом с целью найти себя и свое место в жизни. Объездив много стран, он приходит к выводу, что «счастье мирское лишь в двух словах: «я дома»...» [2, с.77]. Этими словами Эрик характеризует Колвила, но ими можно описать и его понимание счастья. Его речи характерна

мечтательность, метафоричность («жизнь мою слезами гасит ночь» [2, с.71]), афористичность («усталость неучтивая» [2, с.72], «...кто всем приют дает, себе приют в любой звезде найдет...» [2, с.73]). Афористичность речи свидетельствует о зрелости ума и о твердой жизненной позиции. Афоризм предстает как определенный вывод, сделанный на основе прожитого и пережитого, а умение делать выводы говорит об аналитическом складе ума. Словами Эрика (до момента узнавания братьями друг друга он – Проезжий) можно выразить тоску по родине тех, кто покинул дом и терзается от неопределенности, не зная, живы ли те, к кому можно вернуться. Если нет возврата к истокам, то впереди лишь грусть, тоска, смерть: «...и в кресле отцовском человек чужой сидит, и заново обито это кресло, и я пойму, что детство не воскресло, что мне в глаза с усмешкой смерть глядит!» [2, сс.75-76]. Основной темой для него является тема родины, о ней он грезит, мечтает вернуться, передвинуть стрелку на «циферблате лет» назад, чтобы заиграли «начальных дней куранты золотые» [2, с.75]. Под «начальными днями», вероятно, подразумевается детство, по Набокову, самое близкое ко сну состояние, следовательно, самое идеальное время в жизни человека. Неудивительно, что Эрику хочется вернуться в «сон» детства, неподдельный и чистый. Эрик странствовал 17 лет. Цифра 17, в нумерологии – основа материального мира [4], здесь может трактоваться как возврат из мира романтики странствий в мир осязаемый и надежный, в мир, где есть дом. При мысли о доме Эрик одаривает приятные сердцу детали яркими эпитетами: «незабываемый, сладчайший скрип калитки», «золотые дожди», метафорами: «листья лип лепечут упоительно» [2, с.82]. Дом – символ счастья, достатка, единства семьи и рода, символ освоенного, человеческого пространства в противопоставлении стихийному, неосвоенному, нечеловеческому. Дом противопоставляется миру за его пределами, как замкнутое – открытому, безопасное – опасному, внутреннее – внешнему. Главная символическая функция дома – защита [4]. Дом также символизирует связь между предками и потомками, поэтому для Эрика чрезвычайно важно, чтоб его родной дом был не просто сохранившимся за долгие годы строением, а теплым домашним очагом, хозяином которого является его отец.

При встрече с братом у Эрика возникает ощущение пережитого ранее, уже виденного, а позже он видит брата Роберта как бы в кривом зеркале, то есть видит его ложный облик, ту личину, под которой прячется потенциально доброе «я» Роберта. Эрик зовет брата-разбойника домой, но, судя по реакции брата, Эрик, «благостный паломник» [2, с.90], выступает в роли «звонаря в стране, где храмов нет» [2, с.88]. Убедить Роберта вернуться на праведный путь – Сизифов труд.

Находясь в заведении (трактире), Эрик курит и окутывает себя облаком дыма, словно туманом. С одной стороны, он отстраняется от посторонних, с

другой стороны, он может беспрепятственно погрузиться в мечты о родном доме.

2) Оседлый мечтатель/реалист – Колвил, Стречер, Сильвия (дочь Колвила, мечта во плоти). Людей этой категории можно представить как жителей станционного городка: мимо них в поездах пролетает масса судеб, а они лишь пассивные наблюдатели того, как рядом с ними течет жизнь.

Стоит остановиться на каждом представителе данной категории подробнее. Начнем с Джона Колвила, хозяина трактира «Пурпурного Пса». Он понимает, что его «птицы-грезы» улетели, а виденья «выцвели» [2, с.70]. Колвил уже не молод и осознает, что как бы все не менялось, у него есть его трактир, с которым он сроднился. Он «червяк в чехольчике» [2, с.76]. Спешить уже некуда, поэтому вся прелесть жизни для него состоит в том, чтобы слушать истории случайных посетителей. Не повидав ничего интересного, Колвил не жалуется, его устраивает положение вещей. Этот «телохранитель Вакха» [2, с.70], «друг бездомных» [2, с.73] нигде не побывал, но любопытствует о судьбе посетителей. Чтение является способом узнать о местах, где Колвил и его дочь Сильвия ни разу не были и вряд ли побывают. В книге «по лестницам и галереям строк» ходит палец-«скиталец» Колвила вместе с пальчиком Сильвии [2, сс.76-77]. Книга является символом мудрости, чтение – символом приобщения к знанию. Книга как символ присуща меланхоликам [4]. К данному типу темперамента можно отнести всех троих носителей концепции мечтателя в пьесе.

Когда поднимается вопрос о родине, Колвил без промедления предпочитает родину чужбине, несмотря на тесноту и тишину родных мест. О красотах и тайнах «чужого чарующего причудливого предела» можно узнать из книг, но эти тайны не заменят ощущения спокойствия, умиротворения, «бесхитростного покоя», которые дарят родные стены, «где угли рдели столько зим» [2, с.77].

Колвил, со свойственной для работников питейных заведений наблюдательностью, замечает, что голоса братьев Фазрнетов похожи – еще до того, как братья узнают друг друга, похожи, «как морось и роса, заря и зарево, слепая злоба и слепота любви; и хрипы оба: один – от бочек выпитых, другой – ...от тайной грусти позднего возврата...» [2, сс.80-81] – аллитерация использована для передачи схожести голосов. Звук голоса – творящий символ; узнавание голоса означает установление контакта и освоение незнакомого пространства [4], в данном случае – импульс для восстановления родственных связей между братьями.

Стречер – немолодой купец, ему осталось только мечтать о подвигах, которые ему уже не по плечу. Сильвия живет в своем вымышленном мире и верит в чудеса сродни чистой вечной любви. Ее состояние близко к безумию. Сидя в четырех стенах она лелеет надежду встретить «принца», который

вырвал бы ее из обыденности, сводящей с ума. Жизненная позиция этих действующих лиц не продуктивна, они либо смирились с судьбой, либо ожидают, что кто-то придет и изменит их жизнь к лучшему. Пассивность, как известно, не приводит к цели, учитывая, что у подобных людей цели нет как таковой. Колвил и Стречер никогда бы ни покинули родные места ради зыбкой неопределенности, а у Сильвии есть мечты и сны, в них она может быть где и кем угодно.

Стречер горячо рассказывает о своих редких приключениях (встреча с разбойником) и не теряет возможности приукрасить их, сделать ярче. В случае Стречера бурная фантазия свидетельствует о недостатке реальных переживаний. Купец готовит почву для «грядущего», называет деньги «птицами счастья» и надеется на взаимность Сильвии [2, с.67]. Он романтичен, говоря о любви, он груб, упоминая о мнимом сопернике (разбойнике): называет его «гадиной», готов «звездануть его по роже» и им «украсить крепкий сук осиновый» [2, с.68]. Это порывистый человек, который предпочитает, чтобы события жизни развивались по его схеме, но в любви он ведет себя, как медведь, который чувствует мед, но к улью приблизиться не смеет.

Для характеристики Сильвии используются эпитеты «медлительная», «задумчивая», ее глаза «прекрасные, как солнечная ночь» [2, с.66]. Она – воплощение юности: «Сто очей у юности, и там, где видим мы безобразные тучи, она увидит рыцарей, щиты, струящиеся перья и кресты лучистые на сумрачных кольчугах». «Юность любит тьму лесную, тьму высоких волн, туманы, туманы и туманы» [2, с.69]. Туман – символ мечты: видны только очертания предметов и лиц, и никакой конкретики, поэтому есть простор для фантазий. В условиях тумана воображение восполняет недостаток зрительной нагрузки.

Сильвия нетороплива, как человек, которому не к чему стремиться и чья жизнь проходит в ожидании перемен таких, которые произойдут сами, без каких-либо усилий с ее стороны. Для нее вся жизнь – как во сне, поэтому в быту она «разиня», «богиня ленивая» [2, с.74] и еще раз – неторопливая. Другими словами, Сильвия олицетворяет то, что означает луна, которую она по-своему любит. Луна – женское, холодное, пассивное начало, сокровенная мудрость [4]. В полусонном состоянии Сильвия упоминает и луну, и лунный цветок лилию, которая является эмблемой чистоты, непорочности и света, атрибутом Богородицы [4].

3) Разбойник – сорвиголова – ловец удачи – кающийся анархист – Роберт Фазрнэт. Он предстает перед читателем как «ваша хищность». Этим человеком движет беспокойство, родным домом может стать любое питейное заведение, лучший друг – стакан вина, самое привычное состояние – «простужен и пьян». Весь смысл (или бессмысленность?) такой жизни можно выразить в следующем принципе: «...я на заре зарезал двух верзил, везущих ром, и пил за их

здоровье...» [2, с. 78], из этого следует, что вопиющие и немыслимые для других людей события являются элементом ежедневной рутины Роберта. Диагноз ставит ему Колвил: «Вы – князь лесной, чей герб – кистень, а эпитафия – веревка!», «честный, но мятежный», «бурный, но добрый» [2, с.83]. Роберт признается во всех злодеяниях. Он «бесшабашный убийца» [2, с.84], «грешник растаявший» [2, с.90]. Эрик не понимает образа жизни, который ведет его брат. Это удел потерянных душ, которые если и способны к обновлению, то только во имя любви.

Речь Роберта пестрит словами «ад», «дьявольский», «темный», «мрачный», «ужас бесконечный», его спутник – оружие. Роберт говорит о себе коротко: «убийца я», «живуч, как волк, и призрачен, как рок, – крадусь, таюсь, взвинтив тугой курок» [2, с.84]. В жизни он невидим, очевидны только плоды его деяний. Роберт обречен на лихую славу, но не видит в этом особой романтики, как можно было бы подумать («давно злодействую, но и давно скорблю»). В нем – борьба двух начал, доброго и злого, его душа – «смесь жабы с лебедем», «молитва девушки и бред пирата» [2, с.86]. Здесь – вечная тема борьбы добра со злом и поиски Бога. В его душе еще тлеют воспоминания о доме и стремления к хорошему, но он не в силах вырваться из плена зависимости от РАЗбойного, РАЗвратного, БЕСпутного и, предположим, БЕСцельного образа жизни. Во время разговора с Эриком на праведные темы мнимые слезы раскаяния Роберта сменяются хохотом – значит, дьявол одержал верх в его душе, а где есть дьявол, там нет жизни – душа мертва. Главное – трактир и вино, которое заставляет кровь быстрее бежать по венам. Роберт на дне, его падение безвозвратно. И вопреки чередованию черных и белых полос, просветления в его буйной пьяной голове не предвидится, перемен к лучшему ничто не предвещает, хотя даже в хмельном сне любовь находит путь в душу Роберта: «Мир – любовь, одна любовь». Он осознает, что жизнь его – «туманы, крики, кровь, но светится во мгле глубокой, как лунный луч, как лилия, – любовь...» [2, с.94]. Так, ужасное естество Роберта признает святость Сильвии, объекта его неожиданной симпатии, признает право «лилии» на жизнь.

В контексте отношения героев к реальности и мечте важно отметить мотив опьянения. Он находит выражение в том, что место действия – трактир, проезжему предлагают «пенистое пиво, рьяный ром, степенный порт, малагу-чародейку», все это заедается «жирной индейкой с каштанами, телятиной, пирогом, набитым сладкой дичью», салатом, в который, как всегда, попадает «червяк капустный» [2, сс.73-74]. Для Эрика трактир – это привал между странствиями и дорогой домой, для Роберта – место лечения души, отдыха в плену алкогольного опьянения и забытья, для Колвила – родной дом, для Сильвии – место, где она ждет счастья, для Стречера – место для праздных разговоров и созерцания Сильвии. В плане напитков, интересно, что Эрик предпочитает воду вину, а Роберт – вино воде, так как он «не роза и не рыба»

[2, с.80]. Разбойник называет заведение ласково – «кабачок», так как ценит место, где возможно «в вине промыть свою раздувшуюся душу» и найти приятного собеседника, поскольку «кто пьет один, пьет не до дна» [2, с.78].

Символика воды и вина по отношению к братьям может трактоваться двояко. В случае Эрика можно рассматривать воду как атрибут крещения, как попытку очиститься и обновиться духовно и физически для начала новой жизни [4]; посещение трактира для Эрика – переломный момент в жизни, а стакан воды – и очищение, и знак гостеприимства хозяина. Пристрастие Роберта к вину, с одной стороны, порождает воодушевление, дарит радость жизни на основе временного опьянения. С другой стороны, – это утрированное таинство причастия, так как вино символизирует кровь Христа [4]. Но при ненормированном употреблении вина скрытое (даже припрятанное) желание Роберта изменить жизнь (хотя бы с помощью любви) и стремление найти Бога могут быть побеждены Вакхом и его чашей, несущей наслаждение и забытие.

Два брата, Эрик и Роберт, – это прямые, которые пересеклись однажды, чтобы пойти в разные стороны, а не найти свое продолжение в одном направлении.

Приведенные концепции можно рассматривать как этапы личностного становления. Возможно их движение и смена в судьбе отдельно взятого человека. Например, в молодости большинство проходит стадию беспокойного анархически настроенного «ловца удачи» (редко – в ее крайних проявлениях, как у Роберта Фаэрнета). Позже, пройдя множество дорог, человек понимает, что возврат домой неизбежен и необходим, поскольку *there is no place like home* (нет места лучше дома), поскольку все дороги ведут домой, а дорога домой самая длинная (это стадия «странствующего философа»). Со временем, остепенившись и устроившись в жизни, человек становится «оседлым мечтателем», который ценит в жизни спокойствие, тишину и надежную почву под ногами.

Литература

1. Галинская И.Л. Владимир Набоков: Современные прочтения : сборник научных трудов [Текст] / И.Л. Галинская / Ответственный редактор Скворцов Л.В. – М. : РАН. ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел культурологи, 2005. – 152 с. – (Теория и история культуры). – ISBN 5-248-00234-5.
2. Набоков В. Изобретение Вальса : пьесы [Текст] / В. Набоков. – СПб. : Азбука, 2000. – 288 с. – (Серия «Азбука-классика»). – ISBN 5-267-00291-7.
3. Толстой Ив. Набоков и его театральное наследие [Текст] / Ив. Толстой // Набоков В. Пьесы / В. Набоков. – М. : Искусство, 1989. – С. 5-42.
4. Энциклопедия символов, знаков, эмблем [Текст] / [автор-сост. К. Королёв]. – М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2005. – 608 с. : ил. – ISBN 5-699-08964-0.

Аннотация

Г.К. Якушина

Три концепции жизни в драме В.Набокова «Скитальцы»

В статье представлен анализ пьесы В. Набокова «Скитальцы» с точки зрения рассмотрения образов персонажей как носителей определенных жизненных концепций, которые в совокупности представляют этапы развития личности в целом. Классификация персонажей производится с учетом особенностей их образа жизни, отношения к духовным и материальным ценностям (семье, богатству, любви), особенностей речи. Пониманию трактовки пьесы служит анализ символов и средств выразительности. Автобиографические элементы воплощены в форме отношения персонажей к родине, что является одним из ключевых критериев в определении принадлежности к той или иной жизненной концепции.

Ключевые слова: жизненная концепция, жизненная позиция, афоризм, символика, меланхолик, родина, вымышленный мир, сон.

Анотація

Г.К. Якушина

Три концепції життя у драмі В. Набокова „Мандрівники”

Статтю присвячено аналізу п'єси В. Набокова „Мандрівники” з точки зору розгляду образів персонажів як носіїв певних концепцій життя, які разом становлять етапи розвитку особистості в широкому сенсі. Класифікація дійових осіб відбувається з урахуванням способу життя, ставлення до матеріальних та духовних цінностей, особливостей мовлення. Розумінню п'єси сприяє аналіз символів та засобів виразності. Одним із ключових критеріїв у визначенні приналежності до тієї чи іншої концепції життя є ставлення персонажів до батьківщини, це дає підстави говорити про автобіографічний елемент у п'єсі.

Ключові слова: життєва концепція, життєва позиція, афоризм, символика, меланхолік, вигаданий світ, сон.

Summary

G.K. Yakushina

Three conceptions of life in the play “The Wanderers” by V. Nabokov

The article is devoted to the analysis of the play “The Wanderers” by V. Nabokov” from the point of view of considering the images of the personages as the bearers of certain life conceptions which all together represent the stages of personal development in the broad sense. The classification of the personages is made

taking into account their way of life, attitude to the material and spiritual values, characteristic features of speech. The analysis of symbols and expressive means contributes to the deeper understanding of the play. One of the key criteria of belonging to this or that life conception is the personages' attitude to the motherland, and this very fact provides the grounds to speak about the autobiographical element in the play.

Key words: life conception, life position, aphorism, symbols, melancholiac, imaginary world, dream.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати д. филол. н., проф. Андрущенко Е.А.